

Сокращения

SE – *Стандартное издание полных психологических трудов Зигмунда Фрейда (1953-74)*, переведенных с немецкого под общей редакцией Джеймса Стрейчи в сотрудничестве с Анной Фрейд при содействии Аликс Стрейчи и Алана Тайсона; опубликовано в двадцати четырех томах издательством «The Hogarth Press» (Лондон) и W. W. Norton (Нью-Йорк).

OC – Зигмунд Фрейд. «*О сновидениях*» из сборника «*Психология бессознательного*». Москва, «Просвещение», 1990, стр.310-343.

F – *Полные письма Зигмунда Фрейда Вильгельму Флиссу, 1887-1904 (1985)*, переведенные и отредактированные Джеффри Моассьефом Мэссоном; опубликованные издательством Belknap Press издательства Гарвардского университета (Кембридж, Массачусетс, и Лондон, Англия).

L – *Письма Зигмунда Фрейда, 1873-1939 (1961)*, отредактированные Эрнстом Л. Фрейдом, переведенные Таней и Джеймсом Стерн; изданные издательством The Hogarth Press (Лондон) и Basic Books (Нью-Йорк).

J – Эрнест Джонс. *Жизнь и творения Зигмунда Фрейда, 3 тома*, опубликованные The Hogarth Press (London) и, с разной нумерацией страниц, Basic Books (New York). Том 1 (1953) «*Годы формирования и великие открытия. (1856-1900)*»; Том 2 (1955) «*Годы зрелости (1901-1919)*»; Том 3 (1957) «*Последние годы жизни (1919-1939)*».

G – Александр Гринштейн. *Сновидения Зигмунда Фрейда (1980)*, опубликовано International Universities Press (New York).

S – Макс Шур. *Фрейд: Жизнь и смерть (1972)*, International Universities Press (Нью-Йорк) и The Hogarth Press (Лондон).

ТС – Зигмунд Фрейд. *Собрание сочинений в 10 томах. «Толкование сновидений». Том 2.* Москва, ООО «Фирма СТД» 2008.

Э – Генри Ф. Элленбергер, «*Открытие бессознательного. История и эволюция динамической психиатрии*» в 2-х томах. Москва, «Академический проект», 2018.

ПОЖ – Зигмунд Фрейд. «*Психопатология обыденной жизни*» из сборника «*Психология бессознательного*». Москва, «Просвещение», 1990, стр.202-309

PEL – *The Psychopathology of Everyday Life (1901b), SE 6.*

Предисловие

О боже, я бы мог замкнуться в ореховой скорлупе и считать себя царем бесконечного пространства, если бы мне не снились дурные сны.

Шекспир, Гамлет, Акт 2, Сцена 2

В этом колоссальном труде профессор Дидье Анзё ставит перед собой всего лишь одну, но весьма запутанную задачу: он пытается показать, *как* Зигмунд Фрейд проводил свой самоанализ, ставший для него делом всей жизни. Как он сам выразился (стр. 585 ниже), «Фрейд жил в атмосфере постоянного самоанализа». Анзё усердно описывает (стр. 599-600), чем был самоанализ для Фрейда и *каким* образом из самоанализа возникли все открытия и концепции Фрейда:

Конечно, в самоанализе Фрейда присутствовал значительный нарциссический элемент, но он никогда не был его единственной составляющей. Иногда Фрейд переживал моменты глубокой, далеко заходящей регрессии, которая, тем не менее, всегда находилась под контролем «я». Во всех упомянутых мной аспектах самоанализ Фрейда протекал точно так же, как и у его эпигонов. Главной целью для Фрейда было понимание не столько себя, сколько общих, нормальных психических процессов. Нельзя отрицать, что Фрейд замкнулся в себе, хотя впоследствии, как мы видели, он сильно преувеличивал степень своей изоляции: с научной точки зрения он действительно был в изоляции, но в социальном, профессиональном и эмоциональном плане – нет.

Метод выполнения этой задачи профессор Анзё четко изложил сам (стр. 603 и см. его Введение):

Как я попытался показать в этой книге, Фрейд черпал свои идеи из трех источников: психоневрозов, собственного опыта и бессознательного опыта, оставшегося в плодах культур различных цивилизаций; переплетение этих трех нитей и породили открытия Фрейда, а распутывание нитей помогло ему найти доказательства.

Был, однако, и четвертый источник, о котором Фрейд говорит в своем письме к Флиссу от 14 ноября 1897 года:

Мой самоанализ все еще не закончен. Я понял, почему. Я могу анализировать самого себя только с объективно полученными сведениями (как посторонний человек) ... (Freud, 1950a, p. 234).

Чтобы осуществить самоанализ Фрейду всегда был нужен *собеседник*, настоящий, воображаемый или отсутствующий, и профессор Анзё тактично говорит об этой *потребности и желании* Фрейда. в связи с этим я хочу сказать о достоинствах «*le travail de l'oeuvre*» профессора Анзё (используя его собственные слова, стр. 541). Анзё собрал и реконструировал материалы и данные из списка, который был составлен достаточно произвольным образом:

1. Наиболее важная в этом контексте переписка Фрейда с Флиссом (профессору Анзё пришлось отбирать письма из нескольких разных источников, но теперь они опубликованы на английском языке в полном издании, далее именуемом как *F* – см. Сокращения, стр.6).
2. Порой откровенные, а порой и завуалированные, извилистые и уклончивые автобиографические сочинения Фрейда.
3. «Доверительность» Фрейда в разговорах с теми, кто искал с ним встречи и позже записал услышанное. Часто эти записи зависели от восприимчивости и чувствительности этих людей, к большому огорчению Фрейда.
4. Беседы с его пациентами, домочадцами и друзьями, и даже с его «*femme de ménage*» Паулой и т.д. Многие из этих людей были «опрошены» журналистами уже после смерти Фрейда и придумали свои собственные «истории» и версии произошедшего, чтобы насытить ими постоянно растущее и нескончаемое любопытство публики к «откровениям» о частной жизни Фрейда.

Профессор Анзё аккуратно проходит через все эти наслоения, постоянно сохраняя проницательность и не позволяя себе стать «аналитиком» Фрейда; искушение, перед которым практически никто не устоял, в значительной степени из-за «*соучастия*» самого Фрейда. У Фрейда был собственный *écriture*, он мог повинувшись внезапному порыву «доверять» себя *другим*, а затем опять замыкаться в себе. «Следы» его *véci* живы в памяти всех, с кем ему приходилось сталкиваться. С искренним удивлением он писал Ромену Роллану (13 мая 1926, *L* 371): «Мне кажется удивительной случайностью, что не только мои исследования, но и моя личность привлекает к себе всеобщее внимание». Фрейд позаботился о том, чтобы так оно и было. Он писал Ференци (2 октября 1910, *L* 291): «Ваше письмо напомнило мне, что я тот же самый человек, который выбрал папирус в Сиракузах, поругался с железнодорожным персоналом в Неаполе и купил себе антиквариат в Риме. Я снова осознал себя прежним. Странно, как легко это вписывается в тенденцию изолировать части своей личности». Хуже того, начиная с подросткового возраста и далее, Фрейд не решался *разговаривать* о себе с другими, но, тем не менее, *нуждается*, чтобы они знали грандиозность его страданий в достижении великой своей *цели*: стремлении дать нам новую и революционную психологию человеческого бытия. Фрейд использовал уловки и играл в прятки не только с собеседниками, жившими

с ним в одно время, но и с нами, живущими гораздо позже.. Он делал это с сознательным злорадством. Фрейд уже с детства и подросткового возраста ощущал свою судьбу; иначе он не стал бы писать своему другу Эмилю Флюсу (16 июня 1873, *L 22*):

Между прочим, мой профессор говорил мне, – а он был первым человеком, который осмелился сказать мне это, – что я обладаю тем, что Гердер так красиво называет идиотским стилем – то есть стилем одновременно правильным и своеобразным. Я был впечатлен этим удивительным фактом и хочу поделиться им со всеми вокруг – например, с тобой, ведь ты до сих пор оставался в неведении, что обмениваешься письмами с мастером немецкого слова. И советую тебе как другу, а не как заинтересованной стороне: сохрани эти письма, сбереги их, переплети, ведь никто не знает, как дело повернется.

Тем не менее, 28 апреля 1885 года он почти злорадно написал из Вены своей невесте, Марте Бернайс (*L 152-3*):

Я только что осуществил решение, о котором одна разновидность людей, пока еще не родившихся, будет остро сожалеть как о несчастье. Так как ты вряд ли догадаешься, кого я имею в виду, я скажу тебе: это мои будущие биографы. Я уничтожил все свои дневники за последние 14 лет, с письмами, научными записями и рукописями своих публикаций... Пусть нервничают биографы, мы не сделаем их задачу слишком легкой. Пусть каждый из них будет уверен, что именно его «Концепция развития героя» правдива: уже сейчас я испытываю удовольствие при мысли о том, как все они будут заблуждаться.

Один из его близких и знаменитых учеников, Теодор Райк, так писал о нем: «Фрейд стремился исповедоваться... но в то же время хранил некоторые секреты при себе. Он открывал часть себя, а часть утаивал» (цит. по Clark, 1980). 18 декабря 1923 года Фрейд написал своему бывшему коллеге и, возможно, своему первому биографу Фрицу Виттельсу: «Общественность не имеет права на мою личность да и ничему на моем примере не научится до тех пор, поскольку сейчас мой случай (в силу разных причин) нельзя объяснить без каких-либо искажений и умолчаний» (цит. по Clark, 1980, p. 64).

Фрейд писал Арнольду Цвейгу 31 мая 1936 года (*L 426*):

Тот, кто становится биографом, начинает лгать, утаивать, лицемерить, приукрашивать и даже скрывать свое собственное недопонимание. Ведь биографической истины не существует, и даже если бы существовала, она никому не была бы нужна. Истина недостижима; человечество не заслуживает ее, и, разве неправ был наш принц Гамлет, когда спросил, избежит ли кто-нибудь плетей, если получит то, что он заслуживает.

У Фрейда было больше общего с принцем Гамлетом, чем он сам мог вообразить, даже если бы изменить утверждение Гамлета «готовность – это все» на «жизнелюбие – это все». Увы! С Фрейдом все было далеко не так. Колебания его настроения одновременно пугали и страшили как его самого, так и других. Он

легко «впадал в уныние», терял силы от подавленной тоски или ярости (Clark, 1980, pp. 326-7), мог «ужасно устать», но потом приходил в норму, возвращался к продуктивному творчеству и благодаря этому оставил нам обширное наследие исследований человеческой природы. После кризиса в подростковом возрасте Фрейд стал по темпераменту меланхоликом, с сопутствующими симптомами «аседии», против которых он героически сражался всю свою жизнь (см. Starobinski, 1985). Он кичился своей изоляцией: «Это был прекрасный, героический период, великолепная изоляция не была лишена своих преимуществ и очарования» (Freud, 1914d). Подобно принцу Гамлету он мог противоречить сам себе, быть *наивным* и столь же нерешительным в каких-либо начинаниях в течение долгих периодов времени. О том, что он противоречил самому себе, лучше всего говорит его любопытство к жизни других знаменитостей – реальных людей (таких как Леонардо да Винчи [Freud, 1910c], Достоевский [Freud, 1928b]) или мифической фигуры монументального Моисея (Freud, 1939a). Фрейд долго увивал от самого себя; долгие годы не решаясь закончить трактат о Моисее (см. Clark, 1980).

Когда я говорю, что профессор Анзё объективен и не склонен к нездоровому любопытству в отношении личной жизни Фрейда, то читателю не следует меня неверно толковать и думать, будто профессор Анзё не знает о мечущейся и измученной душе Фрейда и ее роли (как ни странно, всегда полезной) в работе всей его жизни, о которой мы знаем по великолепно аннотированным английским переводам Джеймса Стрейчи и других, в двадцати трех томах Стандартного издания (*SE*, см. Сокращения, стр. 6). Профессор Анзё откровенно заявляет (стр. 590):

И все же Фрейд, который был таким талантливым, таким энергичным интеллектуально и физически, очень спокойным и разумным, был также охвачен страданиями. Он легко обижался, мучился угрызениями совести, был не уверен в себе и зависел от мнения других. Он не так легко разочаровывался, но, если это случалось, он приходил в подавленное состояние духа. У него была склонность заикливаться на неудачах. Он объяснял свое настроение превращениями жизни и, в частности, проблемами со здоровьем после недавнего мучительного сердечного приступа. На самом деле Фрейд, которому тогда было почти сорок лет, просто переживал кризис среднего возраста, который знаменует собой зрелость.

Я не хочу вставать между монументальным повествованием профессора Анзё и читателем, которому следует терпеливо изучать этот труд, сопоставляя безупречную авторскую документальность с усилиями, направленными на выполнение задачи.

Мне осталось изложить лишь несколько фактов, чтобы завершить предисловие. В 1975 году, будучи редактором Международной психоаналитической

библиотеки Британского психоаналитического общества, я получил эту книгу в расширенном двухтомном французском издании. Я прочитал ее и был удивлен, что кто-то вообще смог выполнить такую задачу. Переписка Фрейда с Вильгельмом Флиссом была опубликована в 1950 году (правда, с большим количеством наносящих ущерб делу предосторожностей), а вскоре за ней последовал и первый том «официальной» биографии Эрнеста Джонса «Жизнь и работа Зигмунда Фрейда» (1953), который включал в себя подборку писем Фрейда к своей невесте, Марте Бернайс, состоявшей практически исключительно из писем периода его помолвки с ней. С этих публикаций и началась целая «индустрия» *анализирования* Фрейда как частного лица. За последние два десятилетия она выросла до такой степени, что, казалось, личная жизнь Фрейда интересовала читателей больше, чем его работа. Это «нездоровое» экзогенное посягательство на неприкосновенность частной жизни Фрейда стало настоящим культом в Соединенных Штатах. Даже личный венский врач Фрейда, доктор Макс Шур, не избавляет нас от ненужных «щекотливых» подробностей жизни Фрейда в его последние дни (S 526-7). Так что для меня эта книга стала настоящим глотком свежего воздуха – ведь это научный рассказ о жизни Фрейда, который помог, во-первых, более глубоко понять и разобраться то, что составляло концепции Фрейда и его клинические практики (я использую последнее существительное во множественном числе, потому что, в отличие от самозванных ангелов-хранителей из числа его последователей, сам Фрейд находил индивидуальный подход к каждому пациенту). Я слышал от Джеймса и Аликс Стрейчи, Джона Рикмана и некоторых других, столь разные рассказы о способах клинического общения и интерпретации Фрейда, что до сих пор удивляюсь, откуда вообще взялась так называемая «классическая техника» анализа.

Я позвонил мисс Анне Фрейд и спросил, что она думает о книге профессора Анзье. Она сказала, что получила книгу, но еще не читала ее. Я сообщил ей, что я ее прочел. Она, зная мой способ вести дела, иронично улыбнулась и спросила, что я решил насчет публикации. На это я ответил, что это единственное известное мне исследование, которое так справедливо раскрыло роль жизненного опыта профессора Фрейда, его самоанализ и «автобиографические дары»; и что я склонен рассматривать это исследование как сопоставимое по значимости и ценности с работой Лапланша и Понталиса «Язык психоанализа» (1967/1973). Мисс Фрейд дала мне свое благословение и просила написать об этом профессору Дидье Анзье, что я немедленно и сделал; и получил по почте крайне душевное и вежливое согласие на предложение опубликовать *L'auto-analyse de Freud* в переводе на английский в Международной психоаналитической библиотеке.

Но возникли две проблемы: одна чисто коммерческая и социальная, другая более досадная и сложная. Коммерческий и социальный аспект заключался в том, что, по своему двадцатилетнему редакторскому опыту я знал, что двухтомное издание любой книги, независимо от ее качества и достоинств, редко продается хорошо. Однако однотомное издание на английском языке можно было издать только в том случае, если бы мы смогли вырезать четыре приложения из первоначального французского издания. Мы предложили это профессору Анзьё, и он согласился. Очень жаль, что нам пришлось исключить Приложение 2 «Chronologie générale des événements et des oeuvres (1850-1901)». Материал остальных приложений остался доступен в стандартной версии на английском языке.

Вторая проблема оказалась сущим кошмаром для меня как редактора и для издателей в Британии и в Америке. Не раз и не два наши переводчики при малейшей возможности подводили нас самым жутким образом. Время шло, и американская «индустрия» фрейдианы выпускала каждый месяц какую-нибудь книгу. В конце концов нам посчастливилось найти г-на Питера Грэхэма, который был не только опытным переводчиком, но и жил во Франции и по мере необходимости мог консультироваться с профессором Анзьё. Несмотря на то, что процесс перевода затянулся надолго, я уверен, что профессор Анзьё будет удовлетворен результатом, потому что г-н Грэхэм проявил похвальное внимание к работе и не отступал от духа и научной детализации оригинальных французских текстов.

Могу с облегчением и радостью сказать, что после публикации в 1985 году полных писем Фрейда к Флиссу под редакцией Дж. М. Мэссона книга профессора Анзьё извлекла выгоду из временного промежутка между французским изданием 1975 года, и английской версией, опубликованной лишь сейчас, в 1986 году. Я очень благодарен профессору Анзьё за его любезное терпение в течение этого десятилетия и за сотрудничество с г-ном Грэхэмом.

Помимо этого, профессор Анзьё написал новое введение для английского издания, где он рассказывает, как шла работа над этим грандиозным трудом.

М. Масуд Р. Хан
Лондон, декабрь 1985 г.

Введение

Изначально эта книга была издана на французском языке в двух версиях. Первая однотомная версия была напечатана в 1959 году и называлась *L'Auto-analyse. Son rôle dans la découverte de la psychanalyse par Freud. Sa fonction en psychanalyse* (Самоанализ, его роль в открытии психоанализа Фрейдом и его функция в психоанализе). Тема книги была предложена мне моим учителем Даниэлем Лагашем.

Вторая версия составила уже двухтомник и вышла в 1975 году под названием *L'auto-analyse de Freud et la découverte de la psychanalyse* (Самоанализ Фрейда и открытие психоанализа). В нем Глава I первой версии, в которой обсуждался самоанализ Фрейда, была значительно расширена; но главы II и III, озаглавленные «Самоанализ после Фрейда» и «Самоанализ и психоанализ», были исключены. Вторая версия сфокусировала внимание на самом необычном аспекте открытия психоанализа (именно это придало моей книге оригинальности) – на самоанализе, который Фрейд проводил в период между 1895 и 1902 годами на основе своих сновидений и других плодов своего бессознательного.

Эта вторая версия и была переведена на английский язык. Она занимает только один том, поскольку было решено, что многие добавления, содержащиеся во французском оригинале, не важны для англоязычных читателей. Вот что было исключено: хронологический отчет о жизни Фрейда вплоть до 1902 года (который дублировал информацию, содержащуюся во многих биографиях Фрейда, которые вышли после трехтомника о жизни Фрейда Эрнеста Джонса [1952-55]); общая хронология исторических событий и современных драматических и литературных произведений с 1850 по 1901 год; хронологическая таблица сновидений Фрейда и других материалов, использовавшихся в его самоанализе (грезы наяву, ошибочные действия, детские воспоминания) и упоминаемые или опубликованные им в период с 1895 по 1902 год; алфавитные таблицы того же материала; алфавитная таблица снов и грез наяву пациентов или друзей Фрейда; алфавитная таблица сновидений, обнаруженных Фрейдом в научной литературе (аналогичные алфавитные таблицы приведены в томах 5, 6 и 24 *Стандартного издания*); полная библиография сочинений Фрейда до 1902 года (которая дублировала библиографию в *Стандартном издании*); библиография сочинений Фрейда, переведенных на французский язык; и, наконец, иконография, состоящая из иллюстраций, которые сейчас прекрасно известны и воспроизводить их нет необходимости. Что касается переписки

Фрейда-Флисса, то в настоящем томе она цитируется по недавно опубликованному полному собранию писем Зигмунда Фрейда Вильгельму Флиссу (1887-1904), переведенных и отредактированных Дж. М. Мэссоном (1985).

Возможность восстановить творческую психическую работу, которая привела к открытию психоанализа, придавала мне силы и пробуждала интерес к работе над двумя версиями книги. Ведь сам создатель психоанализа, Зигмунд Фрейд, открылся будущим поколениям – часто преднамеренно, но иногда и не осознавая этого, – благодаря огромному количеству документов, имеющих непосредственное отношение к бессознательному. Моей задачей было собрать воедино фрагменты одного и того же сновидения, найденные в нескольких различных опубликованных работах Фрейда; сравнить текст сновидений с описаниями прошлых или текущих событий, обнаруженных в переписке Фрейда или указанных его биографами; датировать сновидения и другие материалы, связанные с его самоанализом; и, наконец, расставив их в хронологическом порядке, оценить были ли они ключевыми моментами (которые иногда помогали, а иногда и мешали ему) в процессе личного кризиса, эпистемологической революции и беспрецедентных концептуальных инноваций. На мой взгляд, именно этот процесс привел к созданию психоанализа с его тройной функцией: клинической практики, науки о бессознательном и школы для подготовки к этой практике и этой науке.

Что касается важности самоанализа Фрейда для открытия психоанализа, то я руководствовался работами нескольких предшественников в этой области. Во впечатляющей серии работ Зигфрид и Сюзанна Кассирер-Бернфельд (1944a, 1944b, 1946, 1949, 1951, 1952 и 1953) первыми показали с исторической перспективы детство и образование Фрейда, и, ссылаясь на опубликованные фрагменты его самоанализа, поняли, что центральный пассаж работы Фрейда о покрывающих воспоминаниях, *Über Deckeiiiaerungen* (1899a), на самом деле был замаскированным автобиографическим описанием. В работе Эдит Буксбаум (1951) была поставлена задача переосмыслить некоторые сновидения Фрейда в свете его переписки с Флиссом. Эта работа вызвала вызвала серьезные споры (C. van der Heide, 1952; Jones, 1952; S. C. Bernfeld, 1952).

В своей книге «О сновидениях Зигмунда Фрейда» (1968) – позднее переизданной в расширенном виде под названием «Сны Зигмунда Фрейда» – Александр Гринштейн проявил колоссальную эрудицию, изучив восемнадцать сновидений Фрейда, описанных в «Толковании сновидений». Я благодарен ему за многочисленные фактические данные (касающиеся, например, дат, цифр, которые появляются во снах), за цитаты из газет и официальных документов, за хроники текущих событий и т.д., а также за его исчерпывающий анализ книг, прочитанных Фрейдом. Но Гринштейн пишет лишь о половине из сорока трех сновидений Фрейда, опубликованных в «Толковании сновидений» (1900a); и

более того, он упускает из виду четыре сновидения, одно из которых имеет решающее значение (этот сон впоследствии появился в книге «О сновидениях» (1901a)), а также три сна, о которых нам известно только из писем Фрейда Флиссу. Кроме того, хотя Гринштейну и удается датировать шестнадцать сновидений, ему не пришло в голову исследовать их в хронологическом порядке. Если бы он это сделал, его книга была бы более цельной, и он мог бы напасть на след других плодотворных идей. Наконец, при анализе сновидений Фрейда Гринштейн уделяет слишком много внимания дневным остаткам, бессознательным желанием, защитным конфликтам и другим механизмам; при этом совсем не уделяет внимание символическим отображениям.

Я старался, насколько это возможно, учесть опубликованные работы о детстве и юности Фрейда, о его самых ранних психоаналитических сочинениях и о его снах. Но объем информации настолько огромный, что какие-то работы я упустил из виду. Я надеюсь, что читатели сумеют сами исправить любые ошибки или упущения, с которыми могут столкнуться.

Вот перечень документов, имеющих центральное значение для самоанализа Фрейда:

- пятьдесят снов до 1902 года; из них, сорок три, описаны в «Толковании сновидений» и четыре в книге «О сновидениях» [*Über den Traum*] («Плавательный бассейн», «Trottoir Roulant», «Стеклянный цилиндр» и «Компания за табльдотом»), а три можно найти только в письмах к Флиссу («Баранья голова», «В шестом классе» и «Гелла»); также следует упомянуть о двух грезах наяву, описанных в «Психопатологии обыденной жизни» (1901b) («Остановка несущейся лошади» и «Месть при «случайной» встрече с родителями, которые не были уверены в его профессиональных способностях»);
- сорок восемь детских воспоминаний, покрывающие воспоминания, ошибочные действия и случаи забывания до 1907 года; из них сорок три описаны в «Психопатологии обыденной жизни», три только в письмах к Флиссу («Забывание имени Юлиуса Мозена», «Воспоминания трехлетнего возраста» и «Память о своем страхе на станции Бреслау»), одно в статье «Покрывающие воспоминания» (1899a) («Зеленый луг и желтые цветы, выхваченные из рук Полины»), и одно упоминается как в письмах Флиссу, так и в издании «Толкования сновидений» в 1919 году («Травма лица, оставившая вечный шрам», которая произошла на третьем году его жизни, но о которой у него не было сознательных воспоминаний).

Мне удалось точно датировать большинство из самых важных снов Фрейда и указать приблизительную дату для остальных. Лишь немногие второстепенные сновидения до настоящего момента остаются не датированными («Сооб-

щение от социал-демократов», «Ждущая женщина», «Утес в стиле Беклина», «Мать и дочь на улице» и «Надгробная речь молодого врача»).

Я должен добавить несколько слов о своих методах работы. Вторая версия этой книги появилась в результате групповой работы. Все члены группы были психоаналитиками или начинающими (обучающимися) психоаналитиками. Некоторые из них превосходно говорили по-немецки и прояснили отдельные моменты в тексте или затруднения в переводе. Один участник из Вены, живший примерно в той же среде, что и Фрейд, опираясь на свои личные воспоминания и консультируясь с членами своей семьи, предоставил информацию о повседневной жизни, практиках, верованиях, идеалах и диалектах распространенных в то время. Другой участник группы, историк, дополнял, исправлял и проливал свет на отсылки Фрейда к определенным событиям и работам. Другие, учившиеся на психоаналитиков, впервые открыли молодого Фрейда и его самую раннюю психоаналитическую работу «Толкование сновидений»: их простодушные вопросы, непредсказуемые ответы и спонтанная критика помогли уравновесить академический и усложненный стиль, который иногда принимала дискуссия, и обеспечили пищу для размышлений.

Семинар проводился в течение двух лет: одно вечернее занятие раз в две недели. Каждая сессия была посвящена одному из сновидений Фрейда; совершенно новый перевод сновидений высылался участникам заранее, иногда с дополнительной документацией, подготовленной мной и Евой Розенблум, которая вместе со мной проводила данный семинар. Участники семинара свободно обсуждали результаты своей подготовительной работы и, как правило, в конце каждой сессии упоминали о любых вспышках озарения, которые могли произойти с ними в течение занятия.

В процессе работы мы постепенно выработали очень продуктивный рабочий метод, буквальное толкование: разобрав все лингвистические, биографические, социологические и литературные вопросы, мы зачитывали текст сновидения по одному предложению за раз и пытались придать конкретное значение (или даже двойное или тройное значение) каждому предложению или важному пункту, рассматриваемому отдельно. Закончив, мы снова читали сон, пытаясь увидеть его в этот раз целиком и определить его цельность. В результате вместо того, чтобы ограничиваться такими избитыми темами, как «перенос» Фрейда на Флисса, детские воспоминания, амбивалентность по отношению к отцовскому имаго, личный «невроз», открытие Эдипова комплекса или контрперенос на пациентов (особенно женского пола), мы смогли увидеть другие аспекты. К ним относятся: мысленное предвосхищение Фрейдом всей теории психического аппарата; все более очевидную тревогу, которую Фрейд позднее отождествит со страхом кастрации; проявления телесных образов, сопровождаемые эrogenными зонами, зрительными, слуховыми, тактильными

ми, обонятельными, вкусовыми, кинестетическими и коэстетическими ощущениями, контрастирующими с воображаемым пространственным фоном; и, наконец, отсылки на культурные произведения, которые, по мнению Фрейда, символически подтверждают истины, которые он предвидел.

Наконец, я хотел бы поблагодарить всех участников семинара: Ален Безансон, Хелену Боргеу, Гая Квеквила, Николь Энрике-Копере, Михаэля Грибински, Эльзу Гавелка и, прежде всего, Еву Розенблюм. Я также глубоко признателен принцу Масуду Хану, который предложил перевести эту книгу на английский язык.

Ноябрь 1985 года

Источник:

Anzieu, D. (1986). Freud's Self-Analysis. Int. Psycho-Anal. Lib., 118: 1-596. London: The Hogarth Press and the Institute of Psycho-Analysis.

Глава 1

ФРЕЙД ДО 1895 ГОДА

«Пусть нервничают биографы, мы не сделаем их задачу слишком легкой. Пусть каждый из них будет уверен, что именно его «Концепция развития героя» правдива: уже сейчас я испытываю удовольствие при мысли о том, как все они будут заблуждаться.»

(Письмо Зигмунда Фрейда к его невесте Марте Бернайс от 28 апреля 1885 года (L 153), где он пишет ей, что уничтожил многие из своих работ).

Детство. Фрейд-создатель

Зигмунду Фрейду повезло во многих отношениях. Во-первых, его отец был евреем, лишенным таланта к торговле, хотя он и выбрал ее своей профессией; отец Фрейда был самоучкой, да вдобавок ко всему и неверующим, и исповедовал либеральные и современные взгляды. Сводные братья Зигмунда, от предыдущего брака его отца с Салли Каннер, а также младший брат занялись бизнесом (а также обучали ему), и преуспели там, где их отец потерпел неудачу. Сам Зигмунд, получив всестороннее образование и став человеком науки, добился успеха на интеллектуальном поприще: это был успех, которого всегда желал достичь его отец, и стремление к которому он смог передать и Зигмунду.

Второй удачей для Фрейда было то, что его зачала жизнерадостная, веселая и ласковая молодая женщина, которая вышла замуж за вдовца на двадцать лет старше ее. Она обожала своего первенца, и это оказало на него очень раннее воздействие, одарив глубоким чувством безопасности и веры в жизнь, а также близко познакомило с инцестуозным желанием и наделило некоторой долей мазохизма, жизненно важного для любого творца.

В-третьих, ему повезло, что он провел три блаженных года свободы в сельской местности, окруженный «первобытной ордой» и множеством языков, вероисповеданий, культур и социальных классов.

Первым несчастьем, свалившимся на Фрейда, было вынужденное изгнание в возрасте около трех с половиной лет. И оно тоже оказалось преимуществом: человек способен творить не потому что скорбит о том, что потерял, или о том,

что ушло безвозвратно, а потому что заменяет утерянное делом, позволяющим создать себя заново.

Второе постигшее его несчастье тоже стало благословением. С четырех лет он жил в Вене, пребывая в нищете и постоянных переездах из дома в дом в пригородах: он горько сетовал на это, что усиливало его мазохизм и подогревало решимость добиться успеха. В Вене он научился писать на языке, существовавшем в двух символических формах (римской и готической), официальном языке, которому его родители придавали большое значение. Этот код упорядочивал, а не разрушал ранее существовавшие структуры. Фрейд читал в иллюстрированном переводе Библию, а затем и Шекспира в оригинале. С большим успехом изучал классику. Учился в одном из старейших университетов мира, где обрел научную строгость и столкнулся с учителями: им он подражал, восхищался ими или отвергал их. Другими словами, Вена была идеальной средой для становления его идентификаций (образа блистательного молодого романтического героя), для яростного стремления совершить потрясающее открытие и необходимости проверить его самостоятельно – необходимости, ставшей положительным эквивалентом его нарциссизма.

Об остальном – изобретении психоанализа, – собрав воедино все кусочки, расскажет эта книга. Изобретение психоанализа нельзя понять, если сбрасывать со счетов среду, в которой жил Фрейд, его прошлое. Это история внутреннего начинания, источником которого был весь спектр психических процессов, возникших в результате череды удач Фрейда и проявившихся, в конечном итоге, в самой его работе. Но это также история, тесно связанная с конкретным социальным, культурным и семейным фоном, способствовавшим появлению у Фрейда и у многих его современников и пациентов, определенных психологических проблем и определенного функционирования психического аппарата.

Это объясняет двойную тему, которая подобно путеводной нити идет через всю книгу: связь между открытием психоанализа и человеком, который его сделал, а также между этим открытием и той средой, что произвела его на свет.

За последнее столетие западное общество претерпело глубокие преобразования. Изменились отношения между нациями, классами и расами; изменилось отношение к детям, полу и науке; тенденция мыслить мифологическими понятиями сменилась на идеологический способ мышления; просвещение породило новые типы нервных расстройств или стали чаще появляться расстройства, которые существовали и раньше. Психопатология, организация психического аппарата, психоаналитические техники – все изменяется. Послание Фрейда все еще актуально для нас; но если мы сегодня хотим понять весь смысл психоанализа, нужно создать понятный нам контекст, поскольку Фрейд писал для своего времени. В конце книги мы коснемся этой темы, и ей я собираюсь посвятить следующую свою работу.

Фрейд изобрел психоанализ в возрасте сорока-сорока пяти лет; в этот период он изучал собственные сновидения. Можно выделить две характеристики Фрейда: кризис среднего возраста и интерес к сновидениям и дневным грезам (такой интерес часто встречается у творческих людей). Но почему Фрейд искал новое в сорок лет, в критический период жизни, и почему сновидения дали ему идеальный источник для творчества? На этот вопрос никогда не было исчерпывающего ответа. В этой книге, мы постараемся максимально внимательно рассмотреть открытие Фрейда, но не упустим из виду и эти вопросы. И постараемся ответить на них: ведь исследователи редко имеют в своем распоряжении документы, столь же последовательные, достоверные и раскрывающие самые сокровенные уголки творческого процесса, как те, что оставил нам в наследство Фрейд.

Так почему же человек испытывает желание создать что-то новое? Связано ли это, как предположил Фрейд в своем собственном случае, с сублимацией догенитальных составляющих инстинктов и со смещением эдипова объекта? Разумеется, обладание неизвестной территорией, которая имеет двойное происхождение – метафорически и метонимически – из материнского тела, сделало бы возможным замещение этого объекта творчеством. Является ли творчество, как впоследствии утверждала Мелани Кляйн, попыткой исправить самый ранний ущерб, причиненный психическому аппарату разрушительными инстинктами и примитивными тревогами? Или, как предположил Балинт, после выполнения определенных условий, можно открыть третью дорогу, чтобы примириться с базисным дефектом, лежащим в основе всех психопатологий, – дорогу между невротическим и психотическим развитием?

Почему же человек, уже вступивший во вторую половину жизни, уже успевший создать идентификации, человек, чья сексуальная активность начинает угасать, а смерть маячит на горизонте, а не теряется в тумане неопределенного будущего – почему он ставит под сомнение дело всей своей жизни? почему творец пересматривает источники вдохновения и собственный стиль? Почему он чувствует необходимость создавать нечто исключительно свое, а не продолжать дело других людей? Почему человек, оказавшийся перед лицом убывающего удовольствия и приближающейся смерти, бросает все силы на возвращение и укоренение новых знаний, а затем пытается передать их другим?

Именно так встал на новый путь Джеймс Джойс (1882-1941) в возрасте сорока лет (ему предстояло прожить еще девятнадцать лет) после публикации «Улисса» (1922) и перед тем, как приступить к «Поминкам по Финнегану» (1939) (см. Н. Sixous, 1968). Точно так же Марселю Прусту (1871-1922) было тридцать три года (и ему оставалось еще восемнадцать лет жизни), когда умер его отец, а затем и мать. Пруст начал встречаться с Альбертиной и пережил опыт возрожденного прошлого, в итоге создав вокруг переживания этого опы-

та целое произведение. Вспомним, что в течение первой половины своей литературной жизни он просто баловался критикой и стилизациями (см. G.D. Painter, 1965). У Блеза Паскаля (1623-62) также случился внутренний кризис: он начался, когда умер его отец (1651 год), а младшая сестра, Жаклин, стала монахиней (1652 г.). Кризис продолжался во время путешествия Паскаля вместе с Антуаном Гомбо, шевалье де Мере (1652 г.) в провинцию Пуату и достиг критической стадии, когда Паскалю исполнился тридцать один год, а ему оставалось еще восемь лет жизни. Переломным моментом стала с его так называемая «мистическая ночь» 23 ноября 1654 года (описанная в «Мемориале»). Кризис превратил математика и мирского человека в автора «Мыслей» и «Писем к провинциалу» (см. D. Anzieu, 1960).

В этих трех случаях кризис середины пути был одновременно и переменой, и продолжением: то, что Джойс для пробы пытался сделать в последней главе «Улисса», он развернул в «Поминках по Финнегану»; «В поисках утраченного времени» содержатся некоторые замечательные подражания стилю Гонкуров; когда Паскаль стал философом, он не только продолжил свою математическую работу, но и ввел «аргумент пари»¹ в свой проект «Апология христианской религии».

Классическая психиатрия и современная психосоматическая медицина описали различные эндокринные расстройства и психические последствия, которые относятся к климактерическому периоду. Элиот Джекс (1965) выбирает кляйнианский подход, идентифицируя динамику этого процесса как проработку депрессивной позиции – реорганизацию, вызванную признанием собственной смертности. Следует также отметить, что у многих творческих людей (в том числе, как мы увидим, и у Фрейда) эта реорганизация идет рука об руку вместе с оплакиванием потери; обычно это оплакивание смерти отца.

Но для того, чтобы правильно понять процесс творческого кризиса, необходимо принять во внимание не только кляйнианский подход, но и специфические характеристики скорби, которые описал сам Фрейд («Скорбь и меланхолия», 1917e). Продолжающий жить после смерти другого человек может через процесс возрождения преодолеть конфликт амбивалентности по отношению к образу отца и зависимостью или контрзависимостью, которая связана с авторитетом. Творческий человек перестает считать себя исключительно чьим-то ребенком и утверждает себя как отца своих творений. Высвобождается значительное количество психической энергии, поглощенное этим конфликтом и зафиксированное на этом образе. Энергия становится доступной для новых катексисов – в данном случае для новых культурных произведений. Наконец,

---

¹ Аргумент заключался в том, что было все, что можно было бы получить, и ничего не потерять, сделав ставку на существование Бога.

важную роль играет регрессия к нарциссизму: преодолевая горе, скорбящий теряет интерес к внешнему миру и наделяет воспоминания гиперкатексисом, связанным с умершим человеком, до тех пор, пока не будет достигнута точка, когда «Я» встает перед вопросом, хочет ли оно разделить эту участь, и, благодаря сумме нарциссических удовлетворений, решает «остаться в живых» и расторгнуть свою связь с уничтоженным объектом» (*там же*, SE 14, 255). Другими словами, место любимого утраченного объекта, который сотворил вас, теперь занимает ваше творчество. «Я» не только восстанавливает свою личную идентичность и ценность, но и является производным обновления внутренней жизни, то есть собственной психической реальности, созданной инсайтами творчества. Последнее становится для автора зеркальным отображением регрессии к нарциссизму. Угасающий анаклитический выбор любимого объекта заменяется нарциссическим выбором объекта – отношениями создателя с его созданием.

Теперь я хотел бы остановиться на взаимосвязи между снами и творчеством. Здесь также у Фрейда были как предшественники, так и преемники. Композитор Тартини написал сонату, начало которой ему во сне надиктовал дьявол. Во сне сочинил свое знаменитое стихотворение «Кубла-хан» и Кольридж. Гипнагогические сны позволили Вольтеру написать одну из песен «Генрияды», а Рихарду Вагнеру – прелюдию к опере «Рейнское золото». Кекуле фон Штрадониц, австрийский физик чешского происхождения, во время дневных грез, нащупал решение проблемы, над которой бился долгое время – формулу структуры бензола (C₆H₆). Когда он увидел, как атомы кружатся в воздухе и собираются вместе, формируя правильный шестиугольник, он понял, что только что открыл гексагональную структуру, в которой каждый атом углерода присоединен к атому водорода, образуя новое соединение и его три двузамещенные производные.

Со времен Фрейда многое изменилось. Писатели уже не только приписывают свои сны персонажам своих книг, или, как первые сюрреалисты (см. Исследование Александра об отношении сюрреалистов к сновидениям, 1974), собирают серию собственных снов, добавляют к ним комментарий и таким образом создают литературное произведение. Несколько писателей – среди них Жюльен Гракх, Ален Роб-Грийе и даже современник Фрейда Роберт Луис Стивенсон – основывали главу или даже целый роман на своих сновидениях. Сон уже не изображался как сон, он становился сюжетом главы или романа, наполнял произведение персонажами и атмосферой. В предисловии к своему сборнику рассказов «Сообщение доктора Броуди» (1970) Хорхе Луис Борхес пишет: «Общей фабулой рассказа «Евангелие от Марка», по-моему, лучшего в книге, я обязан одному из снов Хьюго Рамиреса Морони [...] В конце концов, литература – всего лишь управляемое сновидение».

Отличительным достижением Фрейда была, без сомнения, его способность использовать свои сновидения и их обработку как научным, так и литературным способом. Как и Кекуле, он иногда видел образы, которые предзнаменовали аспекты теории психического аппарата, которую Фрейд разработал позднее. Как и его современники-писатели, он использовал в книге «Толкования сновидений» не только свои сны и сны родственников, друзей и пациентов, но и использовал материал этих снов, чтобы непосредственно понять психические аспекты, существование и природу которых он хотел постичь (в частности, эдипову организацию инстинктов). Наяву Фрейд открывал смысл сновидений; а во сне он визуализировал свои открытия и предвидел новых. Сами по себе сны не являются чем-то творческим. Они могут подготовить и продолжить сознательную психическую активность присущую творчеству, хотя эту функцию можно выполнять по отдельности или совместно с помощью других видов ментальной деятельности (дневных грез, самонаблюдения, диалога с человеком, чей образ мыслей совпадает с твоим; любой деятельности, которую можно назвать «проективной» или «автоматической», в том смысле, который вкладывают в это слово сюрреалисты, когда говорят об автоматическом письме).

Но преимущество снов состоит в том, что они предоставляют более детальные, внятные и убедительные свидетельства, чем сознательная психическая деятельность, которая имеет более прямое отношение к психической работе творчества. Это особенно ярко видно на трех уровнях, на которых действуют сны: на границе между бессознательным и предсознательным, где драйвы обретают форму образов в представлениях и находят свое выражение в аффектах; в области трансформации ментальных образов в слова и наоборот; в области, где осуществляется вторичная переработка предсознательных мыслей через систему восприятия.

Научный охват настоящей книги будет ограничен перечисленными областями исследований. Теперь же позвольте мне обратиться к необыкновенной личности, которая является центральным персонажем этого труда. Давайте вернемся к тому самому моменту, когда он начал свой творческий путь, и постараемся подробно все рассмотреть. Итак, кем же был Зигмунд Фрейд в 1895 году?

Фрайбергские годы (с 1856 по 1859 годы)

В 1895 году Зигмунду Фрейду (1856-1939) исполнилось тридцать девять лет, возраст, когда человек начинает утрачивать математические способности, но часто способен совершать важные открытия в естественных и гуманитарных науках. Зигмунд родился в 1856 году, по всей вероятности, 6 мая. Именно эту

дату он и его родители всегда считали днем его рождения, хотя в записи актов регистрации гражданского состояния значится дата 6 марта (J I, 1 сн.1; недавние исследования Гиклгорн и Сайнера (1969) подтвердили дату 6 мая). Он родился в Моравии, во Фрайберге, небольшом городке с населением около 5000 человек, который в то время входил в состав Австро-Венгерской Империи. Моравия граничила с Пруссией и другой австро-венгерской провинцией, Галицией, уроженцем которой был отец Зигмунда, Якоб. Сегодня Фрайберг называется Пршибор и находится на территории Чехии недалеко от границы с Польшей. Семья Фрейда ездила делать важные покупки в Ной-Титшайн (ныне Нови-Йичин). Большинство жителей Фрайберга были католиками, говорившими на чешском языке, в то время как в семье Фрейда все были евреями и говорили на идише и немецком. Вполне возможно, что Зигмунд Фрейд с раннего возраста привык к положению меньшинства, которое ему суждено было ощущать на протяжении всей своей жизни и как еврея, и как врачу, интересующемуся психологией и сексуальностью. Фрайберг находится в лесистой, холмистой местности недалеко от истоков Одера. В самых ранних воспоминаниях Фрейда всплывают игры на заливных лугах, окруженных домиками, и прогулки в близлежащих лесах с отцом.

Зигмунд был обрезан, хотя ни он сам – по крайней мере, в своих опубликованных статьях и письмах – ни его биографы прямо не упоминают об этом факте. Упомянуть об это и не было необходимости, поскольку все мальчики, родившиеся в еврейских семьях в то время и в том регионе, всегда проходили обряд обрезания. При рождении Фрейд получил два имени. Одним из них, как тогда предусматривалось законом, было христианское имя Сигизмунд. Друзья детства звали Фрейда Сиги, а сам он в девятнадцать лет сократил Сигизмунда до Зигмунда. Имя Сигизмунд когда-то стало популярным благодаря польским королям, но в девятнадцатом веке оно звучало уже несколько устаревшим и претенциозным. Вполне понятно, почему в своем стремлении к социальному принятию Фрейд превратил Сигизмунда в гораздо более простую немецкую форму – Зигмунд. Но в процессе этого он устранил из имени слог «из», которые на бессознательном уровне казались ему излишними; Розолато (G. Rosolato, 1969, p. 107) выдвигает идею о том, что «из» представляет собой «начало слова Израиль, которое было вторым именем его отца Якоба. [...] Тут [Фрейд] опять отказывается от партикуляризма, общего для всех религий, чтобы утвердить себя через универсальность своей собственной истины». Было еще одно, и, возможно, более важное, бессознательное эхо в сознании Фрейда. Легендарный герой Зигфрид, который стал известен публике благодаря двум операм Рихарда Вагнера (1848 и 1876), был «чистым», потому что являлся сыном близнецов (Зигмунда и Зиглинды) – иными словами, порождением «суперинцеста» между братом и сестрой.

Фрейду также дали еврейское имя Шломо, в память о Шломо Фрейде, дедушке по отцовской линии, который умер 21 февраля 1856 года, в период между зачатием Зигмунда и его рождением: смерть дедушки была первой из многих смертей, которые происходили в детстве и юности Фрейда, накладывая символический отпечаток на его внутренний мир. В Библии, Царь Соломон (правильное произношение на иврите – Шломо) сменил на троне царя Давида; Соломону приписывается *Книга Премудрости* и часть *Книги притчей Соломоновых*. По словам Евы Розенблюм, название содержит корень Sh-l-m, что означает «делать цельным». Соломон – это латинизированная форма имени Шломо.

Вольное детство Фрейда в провинциальном городке Фрайберг оставило ему в наследство повышенную чувственность и любовь к природе, растениям и цветам – он обожал гулять по холмам, любоваться пейзажами и собирать землянику и грибы. На мой взгляд, Фрейд был типичным эмпириком: ничто не могло появиться в его голове, не пройдя сперва через чувства. Он является хорошим примером того, как сенсорная стимуляция в раннем возрасте, как позже показала Филлис Гринакр (1953), может вызвать предрасположенность к творчеству.

Родители Фрейда были еще живы в 1895 году. Они жили в Вене с момента переезда туда в 1860 году. Зигмунд уважал их, любил и помогал им. Он давал им столько ренты, сколько мог себе позволить, хотя он также очень часто демонстрировал свою независимость от них. Например, когда отец упрекал его в расточительности при покупке дорогих научных монографий вместо стандартных руководств, Зигмунд не обращал на это ни малейшего внимания.

Его отец Якоб Кальман (Калламон) Фрейд (1815-96) был торговцем мануфактурой и, возможно, также торговал зерном. В 1844 году он решил покинуть родной город² Тисмениц (ныне Тысменица) в восточной Галиции, недалеко от Лемберга (ныне Львов), на границе между Польшей и Украиной. Дед по материнской линии, живший в маленьком городке Клогсдорф, предложил присоединиться к нему и открыть собственное дело в соседнем Фрайберге. Как и многие еврей-торговцы того времени, Якоб Фрейд большую часть времени проводил в роли легендарного *Wanderjude* («Вечного Жида») и в течение последующих восьми лет непрерывно путешествовал между Клогсдорфом, Фрайбергом, Тышменицем (где жили его жена и дети) и великими городами Австро-Венгерской империи, Веной и Будапештом. У него был паспорт, выданный правительством Лемберга, столицы Галиции.

---

² Якоб Фрейд родился 18 декабря 1815 года. Когда Якоб женился на матери Зигмунда, то решил перейти от еврейского к григорианскому календарю и выбрал датой рождения 1 апреля.

Конец ознакомительного фрагмента.
Приобрести книгу можно
в интернет-магазине
«Электронный универс»
(e-Univers.ru)